

О двух редакциях одного перевода Даниила Хармса

Олег Лекманов (Москва, НИУ ВШЭ)

Сопоставлению текста знаменитой стихотворной повести для детей немецкого поэта Вильгельма Буша «Плих и Плюх» с ее вольным переводом на русский язык, выполненным Даниилом Хармсом, посвящена очень хорошая статья Александра Кобринского¹. Но А. Кобринский (как и другие исследователи) почти не обращает внимания на многочисленные различия (всего их 30) между двумя редакциями хармсовского перевода: первой, напечатанной в № 8 (августовском) — 12 (декабрьском) журнала «Чиж» в 1936 г., и второй — вышедшей в 1937 г. отдельной книжкой в «Издательстве детской литературы». Цель нижеследующей заметки — восполнить этот пробел.

Сразу же отметим, что целый ряд поправок, внесенных Хармсом или самостоятельно, или по подсказке редактора издательства в текст «Плиха и Плюха», был призван исправить очевидные огрехи перевода.

Среди них бросаются в глаза, например, непреднамеренные тавтологии:

Будка. В будке Плюх и Плих².
(Журнальный вариант)

Снова в будке Плюх и Плих.
(Книжный вариант),

словки и/или вставленные лишь для заполнения места в строке обороты:

*И случайно, среди дела,
Вдруг в окошко поглядела.*
(Журнальный вариант)

*Вдруг в окошко поглядела
И от страха побледнела...*
(Книжный вариант)

Или:

*Пауль кнутиком взмахнул,
Брата кнутиком стегнул,
И при помощи салата
Разодрались оба брата.*
(Журнальный вариант)

*Пауль тоже рассердился,
Быстро к брату подскочил,*

В волоса его вцепился
И на землю повалил.
(Книжный вариант)

Иногда исправлялись строки, содержавшие логические неувязки:

И спасенные щенки
Вылезают из реки.
(Журнальный вариант)
Вылезают из реки,
А в руках у них щенки.
(Книжный вариант)

(Если щенки сами вылезают из реки, то зачем их было спасать?)

Или:

И на солнышко глядят.
(Журнальный вариант)
Вдаль задумчиво глядят.
(Книжный вариант)

(Если долго глядеть «на солнышко», заболят глаза.)

Несколько раз Хармсу приходилось переделывать нарочито неуклюжие обороты первоначального варианта перевода, явно призванные передать своеобразие стиля Буша. От этого текст стихотворной повести стал чуть более гладким, но и чуть менее обаятельным:

Было:

И с разбега в реку прыг!
И как рыбы в воду шмыг!

Стало:

И тотчас же с головой
Исчезают под водой.

Было:

Плюх и Плюх, вскочив на стол,
Съели все и прыг под стол.

Стало:

Две собачки Плюх и Плюх
Съели все за четверых.

Было:

Вдруг с размаху в речку — хлоп!
Телескоп и мистер Хопп.

— Кто-то шел как будто там, —
Мовил Фиттих сыновьям, —
Вдруг исчез. Но где же он?
Сон ли это, иль не сон?
Ну, конечно же, не сон —
Вон из речки летит он.

Стало:

Вдруг о камень он споткнулся,
Прямо в речку окунулся.
Шел с прогулки папа Фиттих,
Слышит крики: «Караул!»
«Эй, — сказал он, — посмотрите,
Кто-то в речке утонул!»

Наиболее же интересными кажутся нам поправки, выразительно демонстрирующие заключительный этап превращения Даниила Хармса в настоящего детского писателя путем вытравливания из текста «Плюха и Плюха» следов хармсовской «взрослой» поэтики. Превращение это совершалось под очевидным давлением редактора издательства, Натальи Леонидовны Дилакторской, в данном случае выступавшей в качестве блюстителя моральных и идеологических устоев советской литературы для самых маленьких.

Как известно, зазор между «взрослым» и «детским» творчеством Хармса очень велик. В частности, он создается за счет того, что в стихах и прозе «взрослого» Хармса особое место отводится эротике, а также кроваво-жестоким (связанным со всевозможными проявлениями жестокости) мотивам.

Однако в первом хармсовском варианте перевода «Плюха и Плюха», как это ни удивительно для 1936 г., нашлось место и тому и другому (друтому — так даже с избытком).

Что касается «эротики», то в журнальном варианте Плюх и Плюх в одной из глав дрались друг с другом не беспричинно, а из-за места поближе к очаровательной собачке «с красным бантом на груди» (как и в оригинале у Буша):

Вот приятели стоят,
В восхищении глядят:
На окне стоит собачка
С красным бантом на груди.
Плюх стоит немного сзади,
Плюх, конечно, впереди.
А потом конечно Плюх
Оказался впереди
И глядит он на собачку
С красным бантом на груди.
Плюх ворчит, на Плюха злится,

Плюх на Плаха зло косится,
 Плах на Плюха зло глядит,
 Из-под ног земля летит.
 Плюх на Плаха нападает,
 Плах, конечно, побеждает.
 Плюх спасается бегом
 И как пуля мчится в дом.

Из книжки собачка с красным бантом была беспощадно изгнана, а драка между Плахом и Плюхом теперь мотивировалась лишь их вадорным ценничьим нравом:

Но известно, что собаки
 Не умеют жить без драки.
 Вот в саду, под старым дубом,
 Разодрались Плах и Плюх.
 И помчались друг за другом
 Прямо к дому во весь дух.

Тщательно вычищались из книжной редакции «Плаха и Плюха» все жестокости, отличающие, между прочим, не только журнальный вариант хармсовского перевода, но и саму стихотворную повесть Буша. Если же совсем избавиться от подобных сцен и слов не удавалось, они предельно смягчались и нивелировались за счет нового контекста.

Так, в первой редакции развернутый эпизод с мышкой начинался следующим образом:

Мышка, мышка в мышеловке:
 Значит, смерть пришла воронке.

Из второй редакции страшное слово «смерть» было убрано (заодно Хармс устранил и повторение «мышка, мышка»):

Мышку, серую плутовку,
 Заманили в мышеловку.

В первом варианте перевода утоплено Каспара Шлиха предшествовал разрыв сердца, а финальная строка стихотворной повести звучала намеренно двусмысленно — «конец» наставал и «повести» и малосимпатичному персонажу:

Тут он вышел из засады,
 И от злости и досады
 Сердце лопнуло его.
 Каспар Шлих воскликнул: — Ох! —
 Испустил последний вадох,

Трубку выронил из рук
 И свалился в воду вдруг.
 Трубка медленно дымится,
 Дыма облачко клубится
 В виде маленьких колец.
 Вот и все. Настал конец.

Во втором варианте Шлих только тонул, а двусмысленность из заключительной строки была устранена:

Каспар Шлих ногою топнул,
 Чубуком о землю хлопнул,
 Каспар Шлих рукой махнул —
 Бух! И в реке утонул.
 Трубка старая дымится,
 Дыма облачко клубится.
 Трубка гаснет наконец.
 Вот и повести конец.

Но, пожалуй, самая интересная метаморфоза приключилась во второй редакции с тем эпизодом «Плаха и Плюха», где описывается обучение братьев Пауля и Петера в школе учителя Бокельмана.

В книжке этот эпизод выглядит так:

Очень, очень, очень, очень
 Папа Фиттих озабочен...
 «Что мне делать?» — говорит, —
 Голова моя горит.
 Петер — дерякий мальчуган,
 Пауль — страшный грубиян,
 Я пошлю мальчишек в школу,
 Пусть их учит Бокельман!»
 Бокельман учи мальчишек
 Палкой по столу стучал,
 Бокельман ругал мальчишек
 И как лев на них рычал.
 Если кто не знал урока,
 Не умел спрягать глагол, —
 Бокельман того жестоко
 Тонкой розгою порол.
 Впрочем, это очень мало
 Иль совсем не помогало,
 Потому что от битья
 Умным сделаться нельзя.
 Кончив школу кое-как,
 Стали оба мальчугана

Обучать своих собак
 Всем наукам Бокельмана.
 Били, били, били, били,
 Били палками собак,
 А собаки громко выли,
 Но не слушались никак.
 «Нет, — подумали друзья, —
 Так собак учить нельзя!
 Палкой делу не помочь!
 Мы бросаем палки прочь».
 И собаки в самом деле
 Поумнели в две недели.

А. Кобринский подробно сопоставил эти строки с оригиналом Буша и резонно отметил, что Хармс здесь сознательно искажал исходный текст у немецкого поэта и Пауль с Петером, и Пляух с Пляихом не поглупели, а, напротив, поумнели от побоев.

Но ведь в первой редакции перевода, напечатанной в «Чижке», все именно так и обстояло, хотя Хармс ощутимо смягчил жестокие подробности из оригинала Буша!

Продитируем соответствующий отрывок:

— Что мне делать? — крикнул Фиттих. —
 Мало толку только бить их.
 Пауль страшный хулиган,
 Петер — тоже хулиган.
 Я пошла мальчишек в школу,
 Пусть их учит Бокельман!
 Бокельман учил мальчишек,
 И недели через две —
 — Пауль и Петер просто прелесть! —
 Говорили хором все.
 Пляух и Пляух учились тоже,
 И недели через две —
 — Вот собаки, просто прелесть! —
 Говорили хором все.

И в оригинале, и в «Чижке» процитированный фрагмент сопровождается иллюстрациями Буша. На первой из них Бокельман стоит с розгой перед умоляюще сложившими руки Паулем и Петером. На второй — уже сами Пауль и Петер порют розгами Пляуха и Пляиха. На третьей — Пляух и Пляих выгнулись перед братьями по струнке, а в руках у Пауля и Петера все те же «воспитательные» розги.

Нельзя, впрочем, не обратить внимания на то обстоятельство, что во второй редакции перевода смакование жестоких подробностей в сравнении с первой исподтишка лишь усилено («Тонкой розгой порол» и проч.). А это

провоцирует поискать ответ на напрашивающийся вопрос: во вред или на пользу Даниилу Хармсу как писателю пошла категорическая требованья, выдвигаемые советской эпохой, а также тем сектором литературы, в котором он подвизался для заработка денег?

Впрочем, корректно ответить на такой вопрос в рамках филологической заметки возможным не представляется.

Примечания

¹ Кобринский А. А. О некоторых подтекстах одного хармсовского вольного перевода // История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Самаровой-Чудлаковой. М., 2012. С. 160–170.

² Здесь и далее курсив в цитатах мой. — О. Л.